Для цитирования: Погорельская Е. Ю., Чернов Л. С. Между двух огней: техника и вирус // Социум и власть. 2020. № 3 (83). С. 56—64. DOI: 10.22394/1996-0522-2020-3-00-00.

DOI: 10.22394/1996-0522-2020-3-56-64

УДК 001.18

МЕЖДУ ДВУХ ОГНЕЙ: ТЕХНИКА И ВИРУС

Погорельская Елена Юрьевна,
Гуманитарный университет,
факультет социальной психологии,
доцент кафедры социально-культурного сервиса и туризма,
кандидат философских наук.
Российская Федерация, 620049,
г. Екатеринбург, ул. Студенческая, д. 19.
E-mail: schreibigus@mail.ru

Чернов Леонид Сергеевич,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Уральский институт управления, г. Екатеринбург,
доцент кафедры философии и политологии,
кандидат философских наук, доцент.
Российская Федерация, 620144,
г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 66.
E-mail: leon-chernov@yandex.ru

Аннотация
Введение. Вирусная пандемия 2020 г. поставила человечество в условия вынужденной изоляции. Данная кризисная ситуация спровоцировала тотальное включение техники в современный диалог на разных уровнях связей и отношений. Это явление не только демонстрирует колоссальную значимость техники в современном мире, но и ставит вопрос о сущности такого «обязательного» партнера по диалогу.
Цель. Поставить вопрос об онтологической сущности техники, формулируя гипотезу о причастности «технического» к символическому миру.
Методы. В статье используется феноменологический подход, позволяющий видеть за массивом разнообразного человеческого опыта взаимодействия с «техническим» — анонимность сущности техники. Обычное отношение к технике и технологиям как к инструменту, выполняющему определенные заложенные изначально задачи, оказывается неудовлетворительным, поскольку значение техники в современной цивилизации гораздо шире. Кроме того, в статье используется аналитический подход, позволяющий видеть за научными теориями и фактами определенную «логику поведения» науки и техники, направленную на преодоление природ вещей.
Научная новизна. Символическое техники минует все природные и культурные границы.

Ключевые понятия:
техника,
вирус,
нечеловеческие объекты,
природа,
техническое.

Введение

Техника в современном мире находится в статусе обычного, привычного. Техническое настолько близко существует рядом с человеком, что каждый из нас считает себя вправе говорить о нём, и говорить существенно. «Техническое» проникло в социальную жизнь как необходимое условие её существования, и потому нам не просто сложно говорить о нём, нам трудно увидеть в нём проблему. Анализировать «техническое» сложно по дополнительной причине. В таких предметах, как философия, биология или, например, «денежный индекс», изначально присутствует специализация, некоторая профессиональная граница, которая гласит: здесь работают те, кто разбирается в предмете — философы, биологи, биржевые маклеры, политики и т. д. Мы не переходим границу, которую не можем перейти, поскольку понимаем, что биолог специально учился биологии, чтобы говорить о ней и высказывать какие — либо о ней суждения и оценки. Так же дело обстоит с искусствоведом, физиком и астронавтом. Трезвости нашего ума хватает, чтобы здраво признать презумпцию и право специалиста говорить о том, что он знает лучше нас. Кому взбредёт в голову учить переводчика переводить с немецкого, если ты сам не знаешь языка. Разве что в самом общем смысле, в смысле пожеланий. С техникой иначе. В современном мире каждый человек пользуется техническими вещами, и практически все люди понимают тотальную *интернетизацию* современной жизни. Но проблема «технического» состоит не только в этом. Главным, на наш взгляд, является вопрос о мере «технического» в самом человеке. Именно поэтому так трудно видеть стороны человеческого (живого) и технического (искусственного) внутри самого человека. Возможно, уже сейчас эта мера становится критической и потому мы так спокойно говорим о пост-человеке. Такие разные мыслители как М. К. Мамардашвили [11] и Д. Агамбен [1] уже зафиксировали ситуацию превращения внешне живого в мёртвое. Сегодня «техническое» полноправно заявляет о себе как о живом субъекте цивилизации, и потому так важно исследовать его в самой его природе и сути.

Основная часть

Современная ситуация пандемии призывает атомизироваться. Принятые меры по вынужденной изоляции разбросали людей по ячейкам квартир и домов, посадили их «под ключ». Представить себя атомом может каждый; от многообразия связей, отношений, встреч, разговоров, писем, непрекращающегося общения мир пришел к отрицательному типу взаимодействий, к увеличению дистанции и отталкивающему страху. Сбылось пророчество Сартра: мы почувствовали, что «ад — это другие» [15, с. 95]. Как легко всплыла беспомощность, необязательность, зыбкость человеческих связей на фоне «глобальной катастрофы». Вспомним В. Розанова, который сказал, что старый режим исчез в два дня, максимум в три [14].

Эпидемии приходили в мир и раньше. В XIV в. чума положила в могилу более четверти населения Евразии. В 1520 г. черная оспа, завезенная в Мексику испанцами, привела к смерти 90 % коренного населения страны, сократив его к 1580 г. с 22 до 2 миллионов человек. Пандемия «испанки» в 1918 г. уничтожила в мире от 50 до 100 миллионов жизней; больше, чем Первая мировая война. Через статистику подобного рода, через цифры такого масштаба сложно пробиться к ценности каждой индивидуальной жизни. Но здесь, в вопросе смерти, в вопросе временности нашего существования количество никогда не выйдет в качество, в полноту. Говоря об атоме человеческой жизни, прежде всего имеют ввиду уникальность этого атома на фоне абсолютной ценности жизни как таковой, то есть равноценности человеческих атомов в аспекте существования. Жизнь ценна любая.

Мир сейчас на дистанте. Вирус занял всё возможное символическое пространство, сместив с повестки дня даже Бога. Ну, деньги — еще куда ни шло. Деньги пока держатся.

Что испуганному человечеству предлагается в помощь? В первую очередь Техника с её врожденной мощью и интеллектом. Какие психологические качества несет в себе техническая вещь? Машина умная и сильная, скажет автолюбитель и будет прав. Добавим — красивая. Как это хорошо, что есть телефон, скажет человек разговорчивый и будет прав. Как удобно, что есть Интернет, скажет тот, кому важны своевременные срочные сведения — и, естественно, будет прав. Как замечательно, что можно спасти этого человека, скажет врач, понимая, что без лазера и компьютера он не смог бы этого сделать. Спасибо и поклон техническому миру.

Технические предметы даруют человечеству массу иллюзий. Например, иллюзию

того, что техника меняет классическую дихотомию *далеко/близко* [10, с. 178]. Кажется, что расстояния в современном мире не помеха взаимодействию, и потому они условны. Сколько раз мы участвовали в разговорах «за тысячи километров», учились языку, игре в шахматы, брали уроки музыки, консультировались с доктором, психологом. Но тем не менее по телефону еще никто не забеременел. Географические расстояния до сих пор имеют объективное, реальное значение. Закрытые границы разделяют глобально родные души и, что бы ты ни говорил по телефону или ни писал в сети, реальное физическое присутствие заменить нельзя. Престарелые родители в ситуации пандемии остались без помощи детей. Туристические поездки и путешествия, как оказалось (!), не заменить путешествиями виртуальными. Дети без помощи учителей один на один сражаются с домашними заданиями, отправляют «в космос» свои несовершенные послания, а ответы учителей на эти детские письма тоже непонятны. *Далекое осталось далеким*: километры и расстояния восстановили свои права, они демонстрируют объективное звучание в судьбах. Люди в очередях строго блюдут объективные «полтора метра», а демонстративные нарушители (есть и такие) рискуют нарваться на скандал.

На фоне массового дистантного обучения молниеносно возникли разнообразные социологические исследования, изучающие степень лояльности к новым технологиям. Конечно, технический мир, претендующий на установление приоритетов, заявляет свои права на власть. Коль скоро он способен «обойти проблему», пройти «сквозь вирус», фактически — по вражескому полю. Но что мы имеем без всяких социологических опросов, опираясь на очевидность фактического? Чему мы обучились на самом деле за это время «добровольной изоляции»?

Мы осознали то, что вряд ли возможно обучить математике, физике и естествознанию при помощи дистантных коммуникаций. Философию, историю искусства, литературу дистантными отношениями не передать. Любая технически обусловленная передача знания, опыта работает на той активной памяти, которая была уже сформирована вживую учителем, преподавателем, мастером. Доверие уже было построено. Уже сложилось отношение, уже был открыт энергетический канал. Начиная дистантное обучение студентов, мы проверяем: вход работает? Если да, если передо мной та же самая аудитория, те же лица и имена, с которыми я работал вживую, лично, то сейчас мы можем говорить с этими людьми на расстоянии, используя наш прежний преподавательский авторитет. Если аудитория новая, если в ней нет моей личности как преподавателя и нет памяти настоящих живых занятий, то крайне сложно будет эту аудиторию занять, заинтересовать. Хотя формально «дать информацию», конечно, можно. Нормально учиться в условиях полного технического посредничества — невозможно или же требует дополнительных ресурсов. Или же мы манифестируем «новую нормальность». Какая же там, в этой новой нормальности, учёба? Спросите у учителя, у преподавателя в институте.

Тем не менее вопрос: чему же мы научились на самом деле в этом логове изоляции? *Мы научились лучше обращаться с техникой.* Теперь мы умеем то, что не умели раньше, что считали необязательным в этом мире. Мы приблизились к новым технологиям, мы узнали, что «платформ» может быть много. [18] Желание соответствовать времени, быть «на волне» и, в конце-концов, обычная законопослушность силой сделали нас более-менее грамотными потребителями технического. Не хотите сами — вот вам жёсткое условие. Хочешь не хочешь, а придётся научиться. Не делал презентации в аудитории, сопротивлялся, любил проводить лекции по старинке — создавал «миры на доске» мелом? Отлично, а теперь веди семинары в чате. Говори тому, кого не видно, кто лежит в шортах на диване, кто умеет нажать кнопку «участник».

Новые технологии обещали, что они способы трансформировать наше восприятие возраста. Интернет кишит околонаучными статьями об иллюзии старости. «Старость — это состояние души», — уверяют нас. «Вам столько лет, на сколько вы себя чувствуете». Ситуация с пандемией ставит на место вопрос о возрасте. В*озраст, оказывается, является объективным фактором человеческой жизни*, поскольку для людей старше 65 лет существуют дополнительные риски заболеть и не выжить. Мы читаем в современных источниках, что возраст — это стереотип, а физическая неполноценность — стереотип тем более. «Новые технологии способны трансформировать наше восприятие пола, возраста и самого человеческого организма. Люди с ограничениями по здоровью получат выгоду от технологий, которые позволяют расширить возможности человека. В итоге само понятие физической неполноценности постепенно исчезнет» [17, с. 84]. Так легко отказаться от реальности,

если новые технологии обещают сбыться давней застарелой мечте. Алхимические мечты о богатстве и вечной жизни никуда не делись, просто приобрели другую риторику. Мир ориентирован так же, как и во времена расцвета алхимических опытов, людям необходимы деньги и вечная молодость. Но сейчас эти мечты завернуты в рекламные слоганы, а на их реализацию направлены научные и социальные стратегии.

Вспоминается остроумное заявление Фаины Раневской, касающееся возможностей пластической хирургии: «Фасад обновишь, а канализация все равно старая». Опьянение, связанное с технологическими новациями, сбило человеку все внутренние настройки. Технологии действует на человека как алкоголь. Дистант, изоляция и карантин вновь возвращают нас к вопросу о техническом. Что это — техника? Инструмент ли это, или в ней есть какая-то на самом деле метафизическая сущность, которая для нас закрыта?

Техника «зависает», она как малое дитя учится через нас разговаривать, она пробует ответственно присутствовать в этом мире не в качестве инструмента, а в качестве союзника, на равных с человеком, полноправно. Возможно, это связано не только с тем, что пандемия поставила условием опосредованное общение, но и с тем, что техника, будучи творением человека, несет на себе печать творения как такового. *Существо сотворенное всегда наследует потенциал своего творца.* Техническое наделено интеллектом, способностью быстро и нетривиально решать интеллектуальные задачи. Известны примеры, когда компьютер обыгрывает человека и в шахматы, и в го — интуитивные игры с практически бесконечным набором вариантов ходов. Человек делегировал технике часть своих полномочий по принятию решений. Например, военный дрон может выбрать объект для поражения, не боясь при этом ошибиться. Можно пуститься в виртуальное путешествие, доверяя иллюзии присутствия, например, на космическом корабле «Восток 1» в компании Юрия Гагарина. Таких примеров множество. Человечество «отдает» технологиям не только свою привилегию *ясно и творчески думать*, человечество «отдает» технологиям *возможность принятия принципиальных решений*. «Можно сказать, что современный человек рискует задохнуться в изобилии результатов собственной креативности» [8, с. 106]. Хороший вопрос: «Кто действует? Является ли беспилотник пассивным инструментом для оператора? А если решение о нанесении удара было делегировано машине (технические характеристики дронов уже позволяют такую передачу полномочий), сказали бы мы, что беспилотные летательные аппараты действуют вместе со своими операторами?..» [5, с. 3] Кто по сути ответственен за нанесение военного удара в случае с самоуправляемым дроном? Кто ответственен за автомобильную аварию с участием беспилотного автомобиля? Здесь присутствует желание снять ответственность с конкретного человека за действие. Анонимность и коллективность — вот модусы человеческого в технической вещи. Вместо конкретного человека присутствует сноска на разветвленную сеть социальных институтов и отношений. Ответственность размывается, а личность пропадает.

Амбициозные претензии техники на совершенство связи и полноту информации оказались необоснованными. Но *техника* тем не менее *«требует включить её» в человеческий диалог*. Техника желает присутствовать. В который раз обнаружила себя хайдеггеровская тема присутствия [19]. Присутствовать — значит быть «при-сути», при чем-то главном, важном. Захватывая человека целиком, техническое претендует на его время, на длительность, в которой человек будет встроен в техническое, оживляя его своими энергиями, восстанавливая и поддерживая жизнь технического.

Захват техническим человеческой экзистенции сейчас становится очевидным фактом. Техника из спящего состояния возможности включилась в активное наступление по всем фронтам. Вспомним отличие потенции от акта. То, что было возможным (потенциальным), — становится актуальным, реализованным. Техника втягивает человека в определенные настроения, заставляет его реагировать *всем своим существом* [20]. Она забирает наше существование, подчиняя себе и требуя пристального внимания к свой сути, к своему естеству. Не работает техника, она не настроена? «Товарищ, настрой технику!» — слоган современной жизни. Представить тех, у кого нет ноутбука, почти невозможно. Техника присутствует в современном диалоге, проверяя не только наличие определенных навыков и компетенций, но и глубину переживаний, способность человека адаптироваться к ситуации *захвата мира нечеловеческими объектами.*

Человечество привыкло чувствовать себя субъектом, активным, сильным, решающим. Эта вера человека в себя, в свою выделенность и эксклюзивность сохраняется по сей день. Но современная ситуация свидетельствует, что надо считаться с мнением

«нечеловеческих» объектов. Вирус COVID-19 тому пример.

Ситуация с вирусом говорит о том, что в мире полно нечеловеческих агентов, которые могут ставить условия человечеству. С этими агентами приходится разговаривать, вести диалог, чтобы разобраться с собственными человеческими проблемами. Нам приходится признать, что диалог приходится вести со всем, а не только с тем, что, по мнению традиционалистов, имеет отношение к добру. Современный диалог тотален. Глобальный мир наделен противоречивыми характеристиками: с одной стороны связь всего со всем дает этому миру целостность, единство; с другой стороны — захват мира вирусными стратегиями позволяет сказать, что периодически какая-то часть, нюанс этого мирового целого выходит на авансцену и предлагает (либо навязывает) всему миру свою логику. Вирус, зародившийся в мутации (случайной или вынужденной) живой ткани, распространяет свое влияние на глобальные отношения, которые традиционно и исторически скрепляют весь мир. Парализована мировая экономика, в некоторой растерянности мировая медицина, ситуацию неопределенности переживают политические системы, обычные люди не видят будущего, они подавлены. Кризис, созданный пандемией, показывает, насколько шатка целостность мира. Налицо ситуация, когда *целое не больше суммы элементов, его составляющих. Элемент подчиняет себе целое.*

Вещи, связи и отношения смешались в вихре Эмпедокла, *случайным образом* стыкуя руки и ноги, символы и бытовой мусор, симпатии и следы. Отсюда появление таких мутантов, как коронавирус. Если всё со всем связано, то почему бы нам не получить такую версию? Коронавирус — типичное порождение хаоса бытия. Но эта ситуация верна, если мы априори примем за основание жизни первичность хаоса и онтологическую равноположенность всех сущностей и смыслов. Такая плоская онтология, представленная авторами акторно-сетевой теории технического, например Бруно Латуром [10], Мануэлем Деланда [6], Грэмом Харманом [21]. При крайней привлекательности и убедительности этой теории, объясняющей возможность тотального диалога всего со всем, остаётся без ответа серьезный нерешенный вопрос. Ч*то является энергией/силой этого прекрасного тотального всемирного взаимодействия?*

Равенство онтологий предполагает идею, что граница между живым и неживым условна. Ранее мы писали об этом. «Сущность техники (вмешательства, инструмента) не просто в расширении спектра сенсорных возможностей человека, не просто в том, чтобы «дальше видеть и лучше слышать», — ее суть во внедрении в старую классическую античную природу чего-то иного, другого. Мы фиксируем, пока предварительно, что это внедрение *техники в свою очередь само имеет вирусную природу, иначе* — способность подключения к природе вещи как к генетической программе с целью видоизменить природу исходного предмета, подчинить, поработить, дать новую задачу, программу. Техника в этом аспекте не есть «освобождение» природы вещи, прояснение ее цели, как это было в античности. Техническое вмешательство «меняет вид» исходного предмета, дает ему «новую природу» [13, с. 113].

В ситуации равенства онтологий ставится под вопрос понятие природы вещи. Природа вещи, по Аристотелю, — это некоторая граница нашего влияния на вещь. Мы не можем делать с вещью всё, что угодно нам, а можем делать только то, что нам позволяет природа этой вещи. Например, мы не можем построить из воды дом, потому что природа воды не подходит для реализации этой цели; мы всегда выбираем для реализации наших целей определенные материалы, которые годятся для этого, природа которых позволяет нам добиться желаемых результатов. Но в современной науке заложена совсем другая интенция — интенция на изменение природы вещей под запрос, создание новых природ вещей. Это означает не только то, что естественное не удовлетворяет растущим потребностям человека, но и то, что границы в природах вещей размываются, становятся условными, проходимыми. И прежде всего теряется граница между живым и неживым [22].

Когда мы говорим о жизни, мы понимаем, что жизнь присутствует в мире в качестве особого региона бытия, который представлен бесконечным количеством объектов. Кажется, что этот регион самодостаточен, и до определенного времени считался автономным. Искусственно жизнь создать было нельзя, живым можно было только родиться. Но идея отсутствия принципиальной границы между живым и неживым давно рассматривалась в биологических науках. Известны теории Александра Опарина и Джона Холдейна о происхождении жизни из неживого вещества, известны эксперименты Стэнли Миллера, в которых он получил аминокислоты — структурные

компоненты белков, основы жизни. Такие теоретические построения и эксперименты могли возникнуть только на основе веры в абиотическое происхождение жизни. Только на основе веры в отсутствие границ между живым и неживым. Точно так же идея эволюции считает границы между видами организмов условной. Сейчас говорят, что нет никакого принципиального разрыва между «живым» и «неживым». «Жизнь — вопрос степени, вопрос того, что может быть в большей или меньшей степени; выделить ее можно лишь относительно чего-либо и ситуативно. Есть много промежуточных случаев между жизнью и не-жизнью: достаточно вспомнить о вирусах или «машинной искусственной жизни». Даже самые простые физические процессы более жизненны, чем мы часто думаем; и даже самые однозначно живые процессы всегда включены в сравнительно неживые и навсегда вплетены в них. Жизненность распределена неравномерно, но она действует повсюду» [16, с. 148]. Такая вот тотальная проходимость. Наука выступает здесь в качестве своеобразного «сталкера» по единому миру, условно разобщенному и иерархичному, а по сути гомогенному, выстроенному по принципу спонтанных временных ассамбляжей. *Символическое техники минует все природные и культурные границы.* «Рано или поздно любая состоявшаяся революция сеет и дожидается всходов» [7, с. 84].

Можем ли мы на самом деле говорить о равенстве онтологий вируса и, например, человека; или техники и человека? Здесь дело не в претензии человека на моральное и интеллектуальное превосходство. Здесь речь идет о качественном различии энергетической субстанции и паразита. Когда авторы акторно-сетевой теории связывают всё со всем, показывая тотальность и отсутствие иерархии связей, в которые включены все возможные элементы мира, важным тем не менее остается вопрос: насколько самодостаточен тот или иной элемент, имеет ли он в себе качества субстанции. Или это тень, поменявшая свой очевидный статус паразита/прилипалы на хозяина. Мераб Мамардашвили писал, что «умереть может только живое» [11]. Если так, то сколько вокруг нас зомби, только кажущихся живыми.

Известная сказка Х. К. Андерсена «Тень» [2] пророчески повествует о возможном развитии отношений между ученым и тенью. Ученый, по сказке, был очень любопытным, как и полагается быть ученым. Его интересовала чарующая музыка, доносившаяся из дома напротив. Скорее, даже не сама музыка, а ее источник, коль скоро науке всегда интересна прежде всего причина, вызывающая то или иное явление. Но не было у ученого иного способы проникнуть в соседний дом, кроме как благословить свою Тень туда пробраться. Здесь Андерсен интуитивно улавливает, что первичная интенция ученого была в лучшем случае легкомысленной. Он решил, что любой метод хорош для познания мира, и благословил на возможность свободного действия то, онтологическую природу чего он не знал. Он «выпустил» на свободу свою Тень, полностью уверенный в зависимости Тени от него самого, полностью убежденный в том, что Тень им полностью контролируется. Но Тень, как известно, не вернулась. Она обрела плоть, то есть созрела, чтобы зажить самостоятельно. Идеи ученых чаще всего обретают плоть, они становятся искусственной вещью или технологией.

Ученый, видя перед собой свою бывшую Тень, очень удивлялся тому, как много в ней стало человеческого. Задав вопрос Тени об источнике ее преображения, он услышал, что Тень познала/обрела свою внутреннюю сущность, соприкоснувшись с Поэзией, то есть в творческим актом в самом чистом виде. Тот есть, чтобы обрести сущность, необходимо пройти через живое/жизнь. Тень должна была пройти акт творения, а не просто быть отражением. Став существом *оживленным*, Тень получает возможность проявлять свою сущность, свой ценностный строй, символическое основание, внедренное в плоть, как вирус, который оживает только в живом теле и подчиняет его себе. Техническое оживает при взаимодействии с человеком, в ситуации киборгизации, в ситуации связи технического и человеческого. «Технологии Четвертой промышленной революции не остановятся на проникновении во все объекты окружающего мира, они станут частью нас самих. Некоторые люди уже ощущают свои смартфоны продолжением себя. Современные внешние устройства, почти наверняка будут имплантироваться в человеческое тело и даже в мозг. Экзоскелеты и протезы увеличат нашу физическую силу, а достижение нейротехнологий помогут улучшить когнитивные способности. Мы научимся точнее манипулировать собственными генами и генами наших детей» [17, с. 35].

Когда речь идет об *оживлении техники*, на первый взгляд кажется, что метафора «оживления» просто предполагает присутствие человека в технологизированном процессе. Считается, что «оживление» —

это именно метафора, которая показывает, что без человека техническая вещь не будет работать. Без человека техническая вещь останется замкнутой изолированной системой, предоставленной себе, вещью, которая со временем превратится в груду бесполезного металла, микросхем, органических остатков и т. д., в зависимости от того, какие типы материи задействованы изначально в конструкции этой вещи. Существует большой соблазн видеть в технологиях «простые инструменты, которые могут быть использованы для добрых и злых целей, а сами по себе нейтральны» [17, с. 27]. На самом деле, ценности не просто встраиваются в техническую вещь на этапе проектирования для реализации какого-либо общественного заказа. Это внешняя сторона технической вещи или технологического процесса. Обычно внешняя сторона технической вещи определяется по следующим параметрам. Техническое *полезно*, техническая вещь решает определенную утилитарную проблему; например, холодильник сохраняет продукты питания. Техническая вещь имеет потребительскую стоимость, она имеет цену, то есть является *товаром* — важнейшим элементом любой экономической системы. Техническая вещь поддерживает иерархические отношения в социальной системе, она выступает определенным маркером, *знаком*. Например, не всякий человек может себе позволить автомобиль BMW и не всякий человек обладает достаточным уровнем образования, чтобы управлять высокотехнологичным процессом. Т. е. благодаря встроенности человека в различные цепи технического происходит стратификация общества. Но эти характеристики — польза, товар, знак — лишь внешние характеристики технических вещей. Когда Жан Бодрийяр в своей работе «К критике политической экономии знака» [4, с. 68—77] выносит символическое за границы материального обмена, т. е. за утилитарное, меновое и знаковое, — вещи лишаются онтологических основ. Они все становятся симулякрами, их присутствие в мире становится необязательным и случайным. Но *символическое тотально.* Оно внедрено в потоки вещей, в том числе технологические потоки, анонимно; и только в предметах символических по своему дискурсу, оно выходит на первый план (например, иконы, храмы, мечети, святые места).

В большинстве вещей и связей символическое не проглядывает. Человек в таком случае имеет дело только с «верхушкой айсберга» вещи. Это особенно наглядно на примере технической вещи, которой мы умеем пользоваться, но абсолютно не понимаем, как она устроена. Нам кажется, что разберись мы с алгоритмом, как разбирается в вещи ее создатель-мастер, мы поймем техническую вещь «до конца». Но на самом деле, техническая вещь скрывает гораздо больше, чем систему взаимосвязанных элементов. О*на скрывает свою сущность в общей картине мира.* Это ее подлинный символический строй, который остается инкогнито. Но диалоговый режим отношений с техническими вещами идет не только по уровню осознанности, не только по принципу грамотного использования вещи, но и по уровню неосознанного. Мы включаем технические вещи в наши повседневные миры, не замечая, как *они врастают в нас, и становятся нашей частью*. «Граждане технообществ фактически живут в своих смартфонах, когда гуляют, водят машину, работают, общаются или садятся за еду. Их тела движутся, как зомби, сквозь реальность, а их сознание целиком погружено в виртуальный мир» [12, с. 21]. Ситуация с вирусной пандемией — это новая голографическая картинка тотального внедрения технического в ткань человеческой жизни. Мы оказываемся между двух огней, Сциллой и Харибдой, и вновь от нас требуется быть Одиссеями. Но Одиссей плыл и путешествовал из любопытства, ему было интересно познавать, воевать, и важно, что он пожертвовал бессмертием ради дома и женщины.

Заключение

Может, возникновение техники в этом мире не является обязательным, как не является обязательным и происхождение человека. Но человек тем не менее существует, и существует техника. Возможно, что человек в своей природе несет в себе семя технического, за которое он пострадает, как страдает Бог за свое свободное творение.

1. Агамбен Д. Homo sacer. Что остается после Освенцима: архив и свидетель. М. : Европа, 2012. 192 с.

2. Андерсен Х. К. Сказки: для сред. школ. возраста : пер. с дат. / вступ. ст. Л. Брауде. М. : Мектеп, 1988. 624с.

3. Ахутин А.В. Понятие «природа» в античности и в Новое время («фюсис» и «натура»). М. : Наука, 1988. 208 с.

4. Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака/ пер. с фр. Д. Кралечкин. М. : Академический проект, 2007. 335 с.

5. Вахштайн В. Пересборка повседневности: беспилотники, лифты и проект ПкМ-1 // Логос. 2017. № 2 (27). С. 1—48.

6. Деланда М. Новая онтология для социальных наук // Логос. 2017. № 3 (27). С. 35—56.

7. Дыдров А. А. Мышление современного человека в контексте инновационной гонки (заметки о романе-антиутопии «Мы») //Социум и власть. 2018. № 2 (70). С. 83—88.

8. Дыдров А. А.,Невелева В. С. «Конец света» и «конец мира»: философская интерпретация постапокалиптической фантастики //Социум и власть. 2018. № 5 (73). С. 100—108.

9. Дыдров А. А., Починская В. А., Шарипова А. Р. Механизация человека и гуманизация машины: тенденции существования человека и техники // Социум и власть. 2018. № 3 (71). С. 7—14.

10. Латур Б. Об акторно-сетевой теории. Некоторые разъяснения, дополненные еще большими усложнениями // Логос. 2017. № 1 (27). С. 175—200.

11. Мамардашвили М. К. Лекции о Прусте (психологическая топология пути). М. : Ad Marginem, 1995. 548 с.

12. Маринофф Л. Гуманитарная терапия как средство защиты от вредных воздействий технообщества // Социум и власть. 2020. № 2 (82). С. 19—28.

13. Погорельская Е., Чернов Л. Эксперимент: перерождение и трансформация природы// Вестник Гуманитарного университета. 2017. № 2 (17). С. 110—122.

14. Розанов В. В. Апокалипсис нашего времени : публицистика / В. В. Розанов. Москва : Директ-Медиа, 2011. 155 с. URL: http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=84020 (дата обращения: 14.06.2020).

15. Сартр Ж.-П. За закрытыми дверями // Хрестоматия по философской антропологии : учеб. пособие. Пермь : Пермский государственный технический университет, 2008. 201 с. URL: http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=209243 (дата обращения: 14.06.2020).

16. Шавиро С. Вселенная вещей // Логос, 2017. № 3 (27). С. 127—152.

17. Шваб К., Дэвис Н. Технологии четвертой промышленной революции. М. : Эксмо, 2018. 320 с.

18. Философия техники: история и современность / ред. В. М. Розина. М. : ИФ РАН, 1997. 284 с.

19. Хайдеггер М. Основные понятия метафизики. СПб. : Владимир Даль, 2013. 592 с.

20. Хайдеггер М. Вопрос о технике // Время и бытие / пер. В. В. Бибихина. М., 1993. 447 с.

21. Харман Г. Сети и ассамбляжи: возрождение вещей у Латура и Деланда // Логос. 2017. № 3 (27). С. 1—34.

22. Цурр И. Усложнение понятия о жизни: «полуживые» существа // Логос. 2006. № 4 (55). С. 148—157.

References

1. Agamben D. (2012) Homo sacer. Chto ostaetsja posle Osvencima: arhiv i svidetel'. Moscow, Evropa, 192 p. [in Rus].

2. Andersen H.K. (1988) Skazki. Moscow, Mektep, 624 p. [in Rus].

3. Ahutin A.V. (1988) Ponjatie «priroda» v antichnosti i v Novoe vremja («fjusis» i «natura»). Moscow, Nauka, 208 p. [in Rus].

4. Bodrijjar, Zhan. (2007) K kritike politicheskoj jekonomii znaka/ per.s fr.D Kralechkin. Moscow, Akademicheskij proekt, 335 p. [in Rus].

5. Vahshtajn V. (2017) *Logos*, no. 2 (27), pp. 1—48 [in Rus].

6. Delanda M. (2017) *Logos*, no. 3 (27), pp. 35—56 [in Rus].

7. Dydrov A.A. (2018) *Socium i vlast'*, no. 2 (70), pp. 83—88 [in Rus].

8. Dydrov A. A.,Neveleva V. S. (2018) *Socium i vlast'*, no. 5 (73), pp. 100—108 [in Rus].

9. Dydrov A.A., Pochinskaja V.A., Sharipova A.R. (2018) *Socium i vlast'*, no. 3 (71), pp. 7—14 [in Rus].

10. Latur B. (2017) *Logos*, no. 1 (27), pp. 175—200 [in Rus].

11. Mamardashvili M.K. (1995) Lekcii o Pruste (psihologicheskaja topologija puti). Moscow, Ad Marginem, 548 p. [in Rus].

12. Marinoff L. (Marinoff Lou) (2020) *Socium i vlast'*, no. 2 (82), pp. 19—28 [in Rus].

13. Pogorel'skaja E., Chernov L. (2017) *Vestnik Gumanitarnogo universiteta*, no. 2 (17), pp. 110—122 [in Rus].

14. Rozanov V.V. (2011) Apokalipsis nashego vremeni: publicistika. Moscow, Direkt-Media, 155 p. [in Rus].

15. Sartr Zh.-P. (2008) Za zakrytymi dverjami. V kn.: Hrestomatija po filosofskoj antropologii. Perm', Permskij gosudarstvennyj tehnicheskij universitet, 201 p. [in Rus].

16. Shaviro, S. (2017) *Logos*, no. 3(27), pp. 127—152 [in Rus].

17. Shvab K., Devis N. (2018) Tehnologii chetvertoj promyshlennoj revoljutsii. Moscow, Eksmo, 320 p. [in Rus].

18. Filosofija tehniki: istorija i sovremennost' (1997). Moscow, IF RAN, 284 p. [in Rus].

19. Hajdegger M. (2013) Osnovnye ponjatija metafiziki. St. Petersburg, Vladimir Dal', 592 p. [in Rus].

20. Hajdegger M. (1993) Vopros o tehnike // M. Hajdegger. Vremja i bytie. Moscow, 447 p. [in Rus].

21. Harman G. (2017) *Logos*, no. 3 (27), pp. 1—34 [in Rus].

22. Curr I. (2006) *Logos*, no. 4 (55), pp. 148—157 [in Rus].

For citing: Pogorelskaya E. Yu., Chernov L.S. Between two dangers: technology and virus // Socium i vlast'. 2020. № (83). P. 56—64. DOI: 10.22394/1996-0522-2020-3-56-64.

DOI: 10.22394/1996-0522-2020-3-56-64

UDC 001.18

BETWEEN TWO DANGERS: TECHNOLOGY AND VIRUS

Elena Yu. Pogorelskaya,
Humanitarian University,
The Department of Social Psychology,
Associate Professor of the Department Chair
of Social-cultural Service and Tourism,
Cand. Sc. (Philosophy).
The Russian Federation, 620049,
Yekaterinburg, ulitsa Studencheskaya, 19.
E-mail: schreibigus@mail.ru

Leonid S. Chernov,
The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Ural Institute of Management,
Associate Professor of the Department Chair
of Philosophy and Political Sciences,
Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor.
The Russian Federation, 620144,
Yekaterinburg, ulitsa 8 Marta, 66.
E-mail: leon-chernov@yandex.ru

Abstract
Introduction. The 2020 viral pandemic put humanity in a forced isolation environment. This crisis situation provoked the total inclusion of technology in the modern dialogue at different levels of connections and relationships. This phenomenon does not only demonstrate the enormous importance of technology in the modern world, but also raises the question of the essence of such a "mandatory" dialogue partner.
The aim of the study is to raise a question about ontological essence of technology, formulating a hypothesis about the involvement of the "technical" in the symbolic world.
The authors use the phenomenological approach that makes it possible to see behind an array of diverse human experience interacting with the "technical" — the anonymity of the essence of technology. The usual attitude to engineering and technology as a tool that performs certain initially laid down tasks is unsatisfactory, since the importance of technology in modern civilization is much wider. In addition, the authors use the analytical approach that makes it possible to see behind scientific theories and facts a certain "logic of behavior" of science and technology aimed at overcoming the nature of things.
Symbolic technology passes all natural and cultural boundaries.

Key concepts:
technology,
virus,
non-human objects,
nature,
technical.